

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(краткие сообщения и автоаннотации)

I

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

Использованное в отрывке "д" выражение "ваньши" (все множество дел) является особенно значимым ввиду его противоположности часто используемому в классической литературе выражению "ваньзу" (все множество вещей). "Янмовые духи" выражают познание не "вещей", а "дел", т.е. процессов, движений. Это познание не эмпирической данности "дел", а их "существа" (цзин). В этом мы видим подход вплотную к пониманию "линий (чжао)" как графиков функций. В утверждении, что "янмовые духи" обладают "достоверностью" (синь) и "соответствием действительности" (чэн), нет ничего удивительного и мистического. Мы тоже можем отнести такие характеристики к графикам функций.

Таким образом, имеются серьезные основания полагать, что практика "гаданий" на панцире черепахи, а также осмысление этой практики находились в русле выработки общего представления о функциях и их графиках. "Линии (чжао)" - это явления в принципе родственные "Графикам (дао)".

Т.И.Султанов

О ВРЕМЕНИ ОБРАЗОВАНИЯ КАЗАХСКИХ ЖУЗОВ

В специальной литературе нет единого мнения о времени образования казахских жузов. В.В.Вельяминов-Зернов исходил из существования первоначально единого казахского владения, разделившегося в конце XVI - начале XVII вв. на три орды. Такого же мнения придерживается и Л.Крадер, но образование жузов он относит ко времени "вскоре после смерти их /казахов/ первого хана Касыма" (ум. после 1518 г.). Иное понимание процесса образования и времени возникновения жузов было высказано М.Красовским. Он полагает, что Казахское ханство сложилось из трех прежде самостоятельных орд, составивших основу трех жузов. Такими ордами, по его мнению, были, во-первых, владения Гирея (ум. в 70-х годах XV в.), Касыма, Тахира (ум. в начале 30-х годов XVI в.), во-вторых, Хакк-Назар-хана (ум. в 1580 г.) и наконец - Шигай (ум. в 1583 г.). Так же объясняет образование казахских жузов турецкий историк Р.Арат,

но, по его мнению, основу жузов составили самостоятельные владения Бурундука (ум. около 1511 г.), Касыма и Тевеккея (ум. в 1598 г.).

Гипотеза о сложении жузов в XV–XVI вв. в последнее время была отвергнута некоторыми казахстанскими учеными. Так, С.А. Аманжолов и Х.М. Адильгиреев полагают, что деление казахских племен на три жуза, начавшись в VII в., завершилось к X в. По утверждению В.В. Вострова и М.С. Муқанова, "процесс сложения казахских жузов завершился ко концу XV в." При этом они, вслед за В.В. Григорьевым, неудачно возводят тюркское слово жуз ("сто", "сотня", а также регионально-административная единица) к созвучному арабскому джуз ("часть").

Отнесение образования трех казахских жузов к VII–X вв. основано на одном отрывке из сочинения географа ал-Мас'уди (X в.) "Промыслы золота и рудники самоцветов". Описывая тюркские племена Приаралья и Сыр-Дарьи, он писал: "Преобладают среди тюрков в этом месте жузы, (частью) кочевые, (частью) оседлые. Это племя из тюрков, оно (делится) на три группы: нижние (жузы), верхние и средние..."¹. В устаревшем французском переводе² и в вольном пересказе этого отрывка П. Лерхом³ употреблено отсутствующее в арабском подлиннике выражение: "подразделяются на три орды: Большую, Малую и Среднюю". Эта интерпретация текста и явилась основанием для ошибочного утверждения о существовании казахских жузов еще в X в. или ранее. В свою очередь, допущение о существовании казахских жузов в VII–X вв. позволило указанным авторам утверждать, что, поскольку жузы являются специфической формой социально-политической организации казахской народности, то, следовательно, эта народность сложилась на тысячелетие раньше, чем то зафиксировано в ранее привлекавшихся письменных источниках.

В истории казахского народа жузами принято называть определенные союзы племен, осознающих свою принадлежность к единой казахской народности и населяющих фиксированную традицией часть общекзахской территории. Такое понимание термина "жуз" общепринято. Между тем, если исключить неправильно интерпретированную цитату из сочинения ал-Мас'уди, появление определенной группы племен с названием "казахи" может быть отнесено лишь ко времени не ранее этно-территориального разграничения населения Узбекского улуса (узбеков, ногаев, "узбеков-казаков"), т.е. не раньше

10-х годов XVI в. И вполне закономерно, что первое упоминание одного из жузов зафиксировано в документе 1616 года: "И будучи [,] проведали, что х [?] Колматцкой земле ныне в подданстве и в их послушанье Казачья Большая орда да Киргизская орда, и тем обоим ордам колмаки сильны"⁴. Естественно, что в обозначении "Казачья Большая орда" заложено указание на существование и другого объединения, известного нам по более поздним документам как "Казачья Малая орда". Русские карты, составленные в XVII в., также определенно указывают на казахские "орды" (жузы) во множественном числе. Остается непонятным, почему иногда первое упоминание казахских жузов (орд) в русских источниках относят, ссылаясь на донесение М.Тевкелева, к 1731 г.⁵

Таким образом, гипотезу о сложении казахских жузов в период между VII-X вв. следует признать необоснованной.

Основываясь на приведенных фактах и соображениях, мы полагаем, что процесс образования казахских жузов, начавшись во втором десятилетии XVI в., завершился в основном на рубеже XVI-XVII вв., т.е. образование казахских жузов относится ко времени сложения собственно казахской народности; более того, объединение в жузы явилось конкретной социально-политической формой организации складывавшейся народности, формой получившей впоследствии традиционное и правовое ("Жети-Жаргы") закрепление.

¹ Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I. VII-XV вв. М.-Л., 1939, с. 166.

² Maçoudi, Les Prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, tome 1. Paris, 1861, p. 212.

³ П. Дерх, Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб., 1870, с. 6, прим. 8.

⁴ Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы, т. I. 1608-1683, М., 1969, с. 49.

⁵ М. С. Муқанов, Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза, Алма-Ата, 1974, с. 25.

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXVI

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
(География, этнография, история)

Книга 3

Москва
Главная редакция восточной литературы
1989

Т. И. Султанов

**ИЗВЕСТИЯ «ШЕЙБАНИ-НАМЕ»
МУХАММАДА САЛИХА О МОГОЛАХ
(XVI в.)**

История моголов¹, игравших заметную роль в процессе исторического развития народов Центральной и Средней Азии XIV—XVII вв., остается до настоящего времени гораздо менее изученной, чем это возможно по количеству и качеству доступных ориенталистам источников [2]. Главный источник для XIV—XVI вв. — «Тарих-и Рашиди», сочинение восточнотуркестанского историка Мирзы (Мухаммада) Хайдара Дуглата, написанное в 40-х годах XVI в. Немало существенных дополнений и поправок к известиям Мирзы Хайдара Дуглата дают тимуридские источники, в особенности «Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини» Му'ин ад-Дина Натанзи, «Зафар-наме» Йезди, «Матла ас-садайн» Абд ар-Раззака Самарканди и «Записки» Бабура [8, с. 79]. Значительный по объему материал о моголах содержится в так называемых сочинениях шейбанидского круга, т. е. в различных по форме и языку исторических произведениях, написанных в начале XVI в. по поручению, одобрению или при прямом участии основателя государства Шибанидов в Средней Азии Мухаммада Шейбани-хана (ум. в 1510 г.): «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» анонимного автора, «Фатх-наме» Шади, «Шейбани-наме» и «Футухат-и хани» Бинаи, «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха и др. И наконец, история Моголистана и Восточного Туркестана XVI—XVII вв. наиболее полно и последовательно отражена в «Хафт иклим» Амина б. Ахмада Рази, «Бахр ал-асрар» Махмуда б. Вали, «Хронике» Чураса, «Тарих-и Кашгар» анонимного автора XVIII в. [23, с. 112—138].

В настоящей статье мы рассмотрим сведения «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха, характеризующие взаимоотношения моголов с узбеками Средней Азии в начале XVI в. Сочинение Мухаммада Салиха не привлекалось еще для изучения истории моголов, хотя оно является ценным источником, сохранившим важные сведения, которые отсутствуют у других авторов, как, например, сообщения о границах владений могольских ханов, о составе могольского и узбекского войск, об условиях освобождения плененных могольских ханов и т. д. Сообщения Мухам-

мада Салиха о моголах дополнены нами рассказами Мирзы Хайдара Дуглата, повествующих о тех же сюжетах, но с иных позиций, политических и династийных.

Мухаммад Салих достаточно известная личность. Его имя упоминается в трудах ряда мусульманских авторов, писавших в XV—XVI вв. и позже, — Абд ар-Раззака Самарканди, Алишера Навои, Бинаи, Бабура, Хондемира, Васифи, Хаджжи Лутфа Али-бека и др. Ему посвящена специальная работа на узбекском языке советского тюрколога А. М. Акрамова [3].

Мухаммад Салих происходил из служилой аристократии. Его предок Шах Малик был эмиром при Тимур-Гургане. Отец его, Нур Саид-бек, по происхождению хорезмиец, долгое время управлял областью от Чарджуя до Адака, «являлся полновластным и вполне самостоятельным владельцем при дворах обладателя счастливой судьбы Абу Саид-мирзы, Улугбека и Джуки-мирзы» [4, с. 174]. Он был также поэтом и писал стихи на фарси [4, с. 77]. В самом «Шейбани-наме» и в сочинении Хаджжи Лутфа Али-бека Мухаммад Салих назван просто «чагатайцем» [18, с. 211; 25, с. 21]. По словам Бинаи, хорошо знавшего нашего автора, Мухаммад Салих происходил из племени билкут [17, с. 128]. По предположению Г. Вамбери, он родился в период между 1451—1455 гг. Эта дата принята некоторыми современными исследователями [13, с. 290], хотя А. Н. Самойлович еще в 1908 г. высказал сомнение относительно ее верности [18, с. XIV]. Согласно сведениям Абд ар-Раззака Самарканди, в 872 г. х. (1467/68 г.) семью Мухаммада Салиха постигло несчастье, и его отец вынужден был покинуть Хорезм [18, с. X—XIII]. Об этом эпизоде сам Мухаммад Салих сообщает лишь несколько фраз [18, с. 18]. Вскоре отец его умер «от притеснения» тимуридских владельцев [18, с. 211], и он «вырос в великом унижении, перенес много обид и огорчений» [18, с. 18]. В 901 г. х. (1495/96 г.), когда Баbur в первый и последний раз видел Мухаммада Салиха, тот состоял на службе у Ходжи Яхьи [7, с. 51], младшего сына небезызвестного Ходжи Ахрара. С приходом Шейбани-хана в Мавераннахр Мухаммад Салих перешел к нему на службу.

Мухаммад Салих был не только свидетелем, но и активным участником тех бурных политических событий начала XVI в. в истории Средней Азии, которые привели к крушению империи Тимуридов и установлению в Мавераннахре власти Шибанидов. Поддерживая Шейбани-хана, основателя новой династии, мечом и пером, Мухаммад Салих быстро выслужился перед ним: некоторое время он управлял Бухарой, позже, в 910 г. х. (1504/05 г.), Чарджуем [18, с. 197, 207—211], а в 1507 г. мы видим его в качестве верховного уполномоченного Шейбани-хана по культурным делам в завоеванном кочевыми узбеками Герате [11, с. 66—67, 69—70].

Мухаммад Салих оставался верным слугой Шибанидов до своей смерти. Согласно сведениям Хаджжи Лутфа Али-бека, ав-

тора XVIII в., он умер в 941 г. х. (1534/35 г.) [25, с. 21]. Эта же дата приводится и у Ризы Кулихана в его «Маджма' ал-фу-саха» [28, с. 56]. По «Музаккир-и ахбаб» [27, с. 313], у него был сын по имени Мирза Улугбек; он писал стихи на фарси и тюрки; за какие-то заслуги Шейбани-хан отдал ему в удел крепость Неса, но тот вскоре умер.

По словам Бабура, династийного и политического противника Шейбани-хана — покровителя Мухаммада Салиха, последний был человеком «по натуре своей злым, жестоким и безжалостным» [7, с. 210]. Навои, напротив, характеризует Мухаммада Салиха как «деликатного молодого человека» склонности и действия которого не соответствуют склонностям его отца, человека «крайне порочного по поступкам и характеру» [4, с. 174]. «В его натуре много тонкости и вкуса, — говорится далее в „Маджалис ан-нафаис“, — и в каллиграфии он хорош».

По призванию Мухаммад Салих был поэтом, еще в молодые годы в соответствии со своим именем избравшим тахаллус (поэтический псевдоним) «Салих» (букв. «праведный, честный, добрый»). Он принадлежал к тем тюркским по происхождению писателям, которые по своему воспитанию, окружавшей их культурной среде, по своей общественной и литературной деятельности были двуязычными. Навои и Хаджи Лутф Али-бек приводят образцы его персидских стихов и не упоминают его тюркские стихи [4, с. 175; 25; с. 22]. У Бабура цитируются и персидские, и тюркские стихи Мухаммада Салиха [26, л. 76а, 181а, 252а]; причем отмечается, что «у него есть [персидские] газели со вкусом, но изящества [букв. «гладкости»] в них меньше, чем вкуса. Есть у него и тюркские стихи; они написаны недурно» [6, с. 277]. По мнению проф. М. Ф. Кёпрюлю, тюркские стихи Мухаммада Салиха были написаны, по всей вероятности, в период его службы у Шейбани-шаха в качестве придворного поэта [27, с. 312], т. е. после 905 г. х. (1499/500 г.). К этому же периоду относится и создание «Шейбани-наме» — самого крупного сочинения Мухаммада Салиха на тюрки.

Впервые «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха был введен в научный обиход венгерским ориенталистом Г. Вамбери, осуществившим в 1885 г. полное издание единственно известного тогда списка этого памятника с переводом на немецкий язык, примечаниями и введением [29]. В востоковедной науке давно считается установленным, что издание или перевод текста, сохраненного одним списком и исключающего, таким образом, критичность издания и перевода, сопряжено с рядом специфических трудностей текстологического порядка и известным риском дать повод специалистам к многочисленным поправкам печатного текста и перевода. Так случилось и здесь. Последующее сличение текста издания с текстом рукописи показало, что в издании Г. Вамбери действительно содержатся ошибки. Поскольку их оказалось весьма много, было решено переиздать сочинение Мухаммада Салиха. Новое, исправленное издание

«Шейбани-наме», начатое П. М. Мелиоранским и завершенное А. Н. Самойловичем, вышло в свет в 1908 г. [18]. Оно содержит 225 страниц текста, две страницы предисловия, краткие сведения о «Шейбани-наме» и его авторе, а также указатели. Несмотря на то что в основу переиздания положена та же единственная венская рукопись, оно отличается многими достоинствами. Издатели проделали большую и сложную текстологическую работу по восстановлению правильного чтения неясных мест текста и достигли в том крупных результатов. В новом издании число непонятных слов и не совсем ясных стихов сведено до минимума; все такие случаи отмечены издателями в подстрочных примечаниях. Таким образом, благодаря кропотливому труду двух крупнейших русских тюркологов мы имеем ныне вполне надежный печатный текст одного из важнейших памятников тюркской литературы XVI в.

По жанру «Шейбани-наме» — историческая поэма. Она состоит из 76 глав, далеко не равнозначных как по значимости сообщаемых сведений, так и по размерам каждой главы. Самая маленькая глава заключает в себе лишь три стиха [18, гл. 13, с. 17], а самая большая — 414 стихов [18, гл. 47, с. 96—116]. В печатном тексте поэмы всего 4435 стихов. Судя по тому, что в венском списке, легшем в основу двух изданий, имеются лакуны, о чем будет сказано ниже, авторский текст поэмы содержал не менее 4500 стихов или даже больше.

О мотивах, побудивших взяться за такой большой труд, сам автор сообщает в гл. 15, которая носит название «Причина сочинения книги» [18, с. 18—21]. Он пишет, что, когда волею всевышнего на его семью обрушилось несчастье и из рук его отца «ушла страна Хорезм — Хиван (Хива) и крепость Кят», он, Мухаммад Салих, долгое время скитался по Хорасану, пережил много злоключений пока, наконец, не попал к Шейбани-хану, который его обласкал и принял к себе на службу. По словам нашего автора, Шейбани-хан и впоследствии проявлял благосклонность к нему. В благодарность Мухаммад Салих решил сочинить месневи о ратных подвигах своего благодетеля и покровителя. С этой мыслью он обратился к хану, Мухаммад Шейбани «одобрил его просьбу».

В венском списке «Шейбани-наме», переписанном «рукой раба божьего грешного Касима в последний день джумади алаввал девятьсот шестнадцатого года» [18, с. 225], т. е. 4 сентября 1510 г., дата написания сочинения не указана. Однако, привлекая данные самой поэмы, мы можем установить время ее составления достаточно точно. Так, в последней главе говорится о том, что раньше Шейбани-хану покорились Бухара, Самарканд, Ташкент, Хисар, Кундуз, Яссы, Сауран, а «теперь всевышний передал ему и Хорезм». Сделай так, пишет далее автор, обращаясь к всевышнему, чтобы Кермине и Хорасан, Йезд, Багдад и Исфахан, Египет и Сирия тоже покорились ему [18, с. 224]. Известно, что Хорезм был завоеван в конце лета

1505 г., а в пределы Хорасана Шейбани-хан со своими силами вступил в мае 1507 г. Следовательно, время окончания поэмы можно датировать между второй половиной 911 и 912 гг. х., т. е. второй половиной 1505 и 1506 гг.

Без выяснения источника исторических сведений, как свидетельствует неоднократный исследовательский опыт, невозможно правильная их интерпретация [9, с. 279]. Вместе с тем нельзя верно оценить достоверность источника без учета, в частности, целей и задач, которые были поставлены при создании произведения, без выяснения классового и политической тенденции автора. В этой связи уместно отметить, что выявление источников «Шейбани-наме» не составляет особого труда. В поэме последовательно описываются военные походы Шейбани-хана и его сподвижников с 1500 по 1505 г. Из содержания поэмы со всей очевидностью вытекает, что ее автор не пользовался какими-либо письменными источниками, а описал события со слов непосредственных участников походов — шибанидских султанов и на основе личных наблюдений. По словам поэта, главным его информатором был сам Шейбани-хан [18, с. 145]. Естественно, что социальный состав информаторов и общественное положение Мухаммада Салиха, как придворного поэта, во многом обусловили характер сочинения: поэма отличается откровенной династийной и политической тенденциозностью. Это обстоятельство следует строго учитывать при использовании «Шейбани-наме» как исторического источника.

Турецкий ученый М. Ф. Кёпрюлю характеризует поэму Мухаммада Салиха как «сухую и пристрастную историческую хронику» и заявляет, что в литературном отношении она не обладает какими-либо достоинствами [27, с. 313]. Это мнение, несомненно, основано на высказывании Бабура. «Позже, — отмечает он в своих „Записках“ о Мухаммаде Салихе, — он отправился к Шейбани-хану. Одним словом, тот оказал ему покровительство, а Мухаммад Салих написал в честь Шейбани-хана месневи на тюрки в размере рамаль шестистопный усеченный, т. е. в размере [поэмы Джами] „Четки“. Это очень слабое и несовершенное произведение. Человек, который его прочтет, теряет веру в поэзию Мухаммада Салиха» [26, л. 181а]².

Поэма, действительно, не богата замыслом, в ней нет художественного открытия. Более того, в изданном тексте по меньшей мере в двух местах отмечается нарушение размера стиха [18, с. 147, стк. 17, с. 197 стк. 68]. Встречаются и мелкие неточности. Так, в месневи говорится о том, что поход шибанидских султанов на Ура-Тепе состоялся «летом» [18, с. 88]; в действительности это событие произошло весной, да и в самой поэме после этого сообщения описывается весенняя картина. Анализ текста с полной очевидностью показывает, что отмечаемые в поэме мелкие неточности являются результатом поэтической вольности автора и что они были вызваны необходимостью соблюдать стихотворный размер сочинения. В этой связи небезын-

тересно отметить также употребление Мухаммадом Салихом старого топонима «Соغد»³ там, где по контексту должно быть многословное «Мавераннахр» [18, с. 122 стк. 10, 11]. Есть в поэме и не совсем ясные стихи. Очевидно, месневи имеет и другие недостатки.

Тем не менее оценку Бабура, данную сочинению Мухаммада Салиха, нельзя признать соответствующей действительности. Бабур был, конечно, большим знатоком поэтики и крупным поэтом, но здесь он явно не объективен. Резкость выпадов автора «Записок» (см. выше его характеристику самому Мухаммаду Салиху) вызвана, по всей вероятности, принадлежностью Салиха к враждебному Тимуридам политическому лагерю и тем обстоятельством, что в месневи о действиях Бабура в Самарканде в 1500/01 г. говорится в осуждающем тоне [18, с. 47—64].

Научная оценка достоинств и недостатков «Шейбани-наме» как поэтического произведения нуждается в специальном исследовании, и такого рода работу мы вправе ожидать от тюркологов-литературоведов. Для нашей задачи достаточно отметить, что месневи Мухаммада Салиха написан на хорошем чагатайском языке с незначительным количеством арабизмов и фарсизмов. Повествование на всем протяжении поэмы живое, выразительное и отличается простотой стиля. Ясность стиля во многих местах сочетается с очевидным даже неспециалисту эстетическим изяществом и красотой стихов. Главное достоинство месневи состоит, на наш взгляд, в том, что там языком поэзии изображена действительная жизнь той эпохи в истории Средней Азии, которую Мирза Хайдар Дуглат называет в своем «Тарих-и Рашиди» «тревожным временем», стихами описано обыденное, все то, что окружало главного героя поэмы Шейбани-хана в реальности.

Источниковедческое значение сочинения Мухаммада Салиха неоднократно отмечалось в трудах отечественных и зарубежных ориенталистов. Так, В. Г. Розен, определив «Шейбани-наме» как «первостепенный источник для описываемой им эпохи», писал еще в 1886 г.: «Мы поэтому усердно рекомендуем нашим знатокам и ревнителям джагатайского языка и среднеазиатской истории новый памятник» [19, с. 52]. О высокой оценке специалистами-тюркологами поэмы Салиха красноречиво свидетельствует ее переиздание в 1908 г., о котором говорилось выше. Как исторический источник «Шейбани-наме» продолжает привлекаться и теперь. Однако исследования, специально посвященного «Шейбани-наме», нет⁴. Между тем сочинение Мухаммада Салиха интересно во многих отношениях [17, с. 129—130; 5, с. 20—21], и изучение его вполне отвечает одной из задач востоковедной науки — сделать доступным для широкого круга главные литературные памятники и исторические источники на языке народов Востока.

В «Шейбани-наме» систематизация материала проведена по тем же принципам, что и в подавляющем большинстве сочине-

ний мусульманских авторов, а именно: материал сгруппирован по событиям, а описание событий расположено в хронологическом порядке. Мухаммад Салих нигде не приводит конкретной даты. Время того или иного события обычно обозначается в поэме выражениями «с наступлением лета», «весной», «зимой того года, когда», «спустя столько-то месяцев после такого-то события» и т. п. Стоит также отметить, что в месневи Мухаммад Шейбани-хан чаще именуется титулом «Имам аз-заман халифе-и ар-рахман». Верховный правитель моголов тех лет Махмуд-хан и его младший брат Ахмад-хан почти всегда именуются в поэме своими прозвищами, соответственно «Ханике-хан» и «Алача-хан».

Связное изложение событий, где фигурируют собственно моголы — подданные Махмуд-хана, начинается в «Шейбани-наме» с гл. XLII, которая называется «Поход на моголов и ограбление Шахрухие, вилайета Ханике-хана, имевшие место зимой того года, когда Имам аз-заман халифе-и ар-рахман овладел Самаркандом» [18, с. 85—88] ⁵.

В середине зимы [т. е. зимой 907 г. х. (1501/02 г.)], пишет Мухаммад Салих, Шейбани-хан отдал приказ по улусам, чтобы султаны и бии собрались в Самарканде. Когда все военачальники прибыли на назначенное место сбора со своими отрядами, хан уведомил их, что намерен идти походом на моголов. Многочисленное войско в сопровождении большого обоза со свитой и приближенными хана двинулось в сторону крепости Дизак. Миновав крепость, устроили привал. Оттуда шеститысячный отряд во главе с младшим братом хана Махмуд-султаном отправился вперед на Шахрухие. Перед отрядом была поставлена цель переправиться через Сырдарью, атаковать моголов и блокировать Шашскую и Сайрамскую дороги до прибытия основных сил во главе с Шейбани-ханом. Вместе с Махмуд-султаном отправились Тимур-султан, Хаджжи-Гази, Джан Вефа-бий, Канбар-бий, Шейх-Марид.

Та зима, говорится далее в месневи, выдалась очень холодной ⁶, так что султаны и «карачины» были одеты кто в куньи шубы, а кто в шубы из меха красных лисиц. Поскольку Сырдарья замерзла, «словно камень», отряд Махмуд-султана легко переправился на другой берег реки и подступил к крепости. Могольские военачальники не решились «выйти из кургана» и дать бой. Воины султана рассыпались по окрестностям и в течение двух дней занимались грабежом и разбоем. Тем временем Ханике-хану доложили, что с той стороны прибыли войска неприятеля. Ханике держал совет со своими беками. Совет военачальников счел целесообразным не выступать против Шибанидов. Скоро прибыл сам Шейбани-хан и расположился на берегу Сырдарьи, решив, что произойдет большое сражение. Поскольку моголы не выступили, последовал приказ, чтобы Махмуд-султан присоединился к хану. Воины султана прибыли, отягощенные награбленным. Еще один день провели в ожида-

нии неприятеля, затем двинулись на Молкент, оттуда на Самарканд. Там войны разошлись по «своим местам».

С наступлением лета⁷, пишет Мухаммад Салих в следующей главе [18, с. 88—92], хан вновь отдал приказ собрать войска. Местом сбора был назначен Дешт-и Сабат. Когда войска собрались, хан и султаны провели несколько «заседаний», где было решено идти на Ура-Тепе. Хакимом Ура-Тепе, говорится в месневи, был в то время Мухаммад Хусейн. Он приходился зятем Ханике-хану и «процветал в его меджлисе». В среде моголов его род называли «оглат» (так! что соответствует у узбеков племени «конграт»). Он располагал почти двумя тысячами нукеров. Крепость была хорошо укреплена и обнесена снаружи двумя рядами рвов, заполненных водой. Шейбани-хан не стал осаждать Ура-Тепе, а решил взять ее измором. Его войска блокировали выходы и подступы к крепости и в течение пяти дней грабили окрестные села. Положение осажденных стало ухудшаться с каждым днем, и через несколько дней Мухаммад Хусейн запросил мира. Хан принял предложение; был составлен «Сулх-наме». В это время прибыл некто и доложил, что Хусрав-шах — единомышленник Ханике-хана — находится в Хузаре. Шейбани-хан отбыл в Хузар. Мухаммад Хусейн подался к Ханике-хану, доложил ему о случившемся и стал уговаривать идти на Танбала. Танбал — один из нукеров ваших, говорил он, нынче является самостоятельным правителем Андижанской области. Он почитает нас слабыми и постоянно грабит наши эли. Если вы согласуете ваши действия с Шейбани-ханом, то мы быстро покончим с ним. Эта мысль показалась всем разумной, и она была принята к действию. Ханике-хан написал письмо Шейбани-хану.

Содержание письма, которое приводится в следующей главе поэмы [18, с. 92—93], очевидно, сильно переработано Мухаммадом Салихом. Во всяком случае, по стилю письмо мало напоминает послание суверенного государя. Махмуд-хан называет себя здесь «старинным слугой» Шейбани-хана. «С тех пор как вы овладели Туркестаном, — говорится в письме, — я не щадил себя ради вас: когда брали крепости, я был вашим другом-товарищем; был подмогой-помощью в дни битв и сражений»⁸. Теперь, писал хан моголов, Самарканд стал вашим и вы перестали обращать внимание на меня, предали забвению мою службу. Он просит Шейбани-хана не относиться к нему как к «чужаку». Что касается Бабура, то «не печальтесь — его дела подошли к концу. Если я и оказал ему поддержку, то сделал это из-за наговоров ничтожных людей». Далее автор письма призывает к великодушию и сообщает, что ему досаждают Танбал и ставит в трудное положение. «Если бы вы заключили мир со мной или сами выступили на Хисар, я бы направил свою конницу, на Танбала отправился бы я».

Письмо Махмуд-хана было получено, когда Шейбани-хан прибыл в Самарканд. Оно не имело ожидаемых последствий:

мир не был достигнут и отношения между двумя государями оставались натянутыми. Махмуд-хан отправился в поход на Танбала без поддержки Шейбани-хана [18, с. 114]⁹.

Некоторое время спустя Шейбани-хан вновь собрал войска и пошел на моголов [18, с. 116—121]. Когда прошли Ура-Тепе, получили известие, что в Ходженде находится шахзаде Джихангир и с ним Гариб барлас. Также стало известно, что Ханике-хан отправил на поддержку Джихангира своего бека по имени Санджар. Шейбани-хан повернул на Ходженд. Узнав о приближении хана, Джихангир бежал в горы. В крепости остались Гариб барлас и Санджар с шестью тысячами воинов. Хан подступил к крепости и предложил сдать город, но получил отказ. Началась осада. После нескольких атак крепость была взята приступом. По приказу Шейбани-хана его воины устроили «всеобщую резню» и под конец подожгли дома. «Огонь охватил город, — пишет Салих, — не осталось ничего, что не сгорело бы в том пламени». Покинув разграбленный горящий город, хан направил поводыя в свою столицу, Самарканд.

Новый поход на моголов состоялся через месяц после ходжендских событий [18, с. 121—125]. В оправдание похода автор «Шейбани-наме» выдвигает два мотива: 1) моголы Ханике-хана вот уже в течение двух лет беспрестанно грабят и разоряют «эль Согда» (население Согда); 2) Алача-хан, прибывший из Турфана на помощь брату, произнес «хвастливую речь», которая привела в сильный гнев Шейбани-хана.

В настоящее время, говорится в этой главе месневи, падишахом моголов является Ханике-хан, человек «способный и рассудительный» [18, с. 78]¹⁰. Столица его — город Ташкент. Ему принадлежали также Шахрухие, Ура-Тепе и «множество» других крепостей. «На одной стороне его владений Сайрам, а на другой — Дизак и Йургам». «У него до сорока тысяч моголов», — уверяет Мухаммад Салих. Тем не менее Махмуд-хан не мог справиться с Шейбани-ханом и призвал на помощь своего младшего брата Алача-хана. Мухаммад Салих характеризует Алача-хана как храброго воина и мужественного человека¹¹. Далее сообщается, что резиденцией его является город Турфан и что он постоянно враждует с калмаками.

На этот раз Шейбани-хан издал приказ, согласно которому «все султаны, карачины и огланы» должны были явиться на место сбора с домочадцами, ибо «пока дело моголов не завершится, ни один султан не вернется в свое владение». Когда войска собрались, Шейбани-хан отправил тем двум ханам свою газель, где он называет их непокорными и грозит наказать их [18, с. 123—124]. Получив послание предводителя кочевых узбеков, ханы стали готовиться к войне: собрали все свое войско, приготовили необходимое снаряжение, раздали войсковой провиант и т. д. На состоявшемся совете военачальников была выработана программа действий. Могольские ханы и сановники решили, что будет разумнее не скрещивать оружие с Шей-

бани-ханом в открытом бою. В кургане Ура-Тепе и крепости Наррату, рассуждали они, которые находятся на пути узбекского войска, до 5 тыс. воинов. Взять эти хорошо укрепленные крепости неприятелю будет нелегко, а не захватив их, враг не двинется вперед. Пока Шейбани-хан будет осаждать крепости, могольские ханы намеревались отправиться с войском на Андижан и отвоевать его у Танбала. Чтобы Шейбани-хан не разгадал их замысла, ханы отправили ему посла с предложением мира. Сами тотчас же снялись с места и в осуществление плана двинулись в сторону Андижана. По дороге атаковали крепость Ахси, но не смогли взять ее. Совершив оттуда несколько переходов, устроили привал в местности «Архиан, что между Ахси и Андижаном».

Посол прибыл к Шейбани-хану, когда тот «пересек воды Кухака», и доложил о предложении могольских ханов [18, с. 126—128]. Разговор был коротким. Хан объявил послу, что до тех пор, пока его войска не достигнут Ура-Тепе и не займут крепость, о перемирии не может быть и речи. Тем временем воины Шейбани-хана «захватили языка». Он рассказал, что Ханике-хан и Алача-хан с войском направились на Андижан. Узнав таким образом истинные намерения моголов, Шейбани-хан повернул на Андижан. Достигнув берегов Сырдарьи, устроили привал. Ночью двухтысячный конный отряд разведчиков переправился через Сырдарью и двинулся на Шахрухие. Вблизи крепости захватили в плен «около десяти всадников». Из их слов стало известно, что могольские ханы на пути в Андижан, что в кургане Шахрухие оставлен только Ахмад-бек. С этим известием отряд возвратился к Шейбани. Хан держал совет с султанами: было решено всех «худых коней» и тяжелый груз оставить в Ходженде. Согласно высочайшему повелению, каждый воин должен был взять с собой в предстоящий поход четырехдневный запас провизии, двух коней, а из защитных средств только латы и шлем. После недолгих сборов Шейбани-хан поднял войска и выступил с берегов Сырдарьи.

Одновременно был отправлен гонец к Танбалу с сообщением; что Шейбани-хан спешит на помощь и выручку «своего слуги» [18, с. 129].

Гонец, сообщается в следующей главе [18, с. 129—136], достиг пределов Маргинана и доложил обстановку старшему брату Танбала по имени Тильбе. Последний отослал посыльного к Танбалу, а сам поспешил навстречу Шейбани-хану с подарками. Поблагодарив хана за его благородные намерения, он доложил, что Ханике-хан и Алача-хан, по его сведениям, миновали Ахси и теперь пребывают в «городе Архиан». Чтобы ускорить окончание «дела моголов», Тильбе-бек предложил Шейбани-хану отправиться в Ахси, где имелись готовые суда для переправы, а для постройки плотов камыш. Хан согласился. К ночи достигли берегов Сырдарьи. После утреннего намаза началась переправа. Первыми переправились на плотках воины, затем «хан, сул-

таны и мирзы» на имевшихся четырех судах. Тот же час из Ахси прибыли «кази, муфти и даруга» с подарками и сообщили, что Ханике-хан и Алача-хан в пяти йигачах¹² пути от крепости. Шейбани-хан расположил свою ставку на правом берегу Сырдарьи, на расстоянии одного йигача от Ахси: утомленные за день войны отдыхали перед грядущей битвой. Скоро поступил высочайший указ: «Утром бой; в полночь выступаем на ханов». Воины «похлебали талкан»¹³ и стали готовиться к предстоящему сражению: кормили коней (кто «ячменным зерном», а кто «мукой, разбавленной водой»), мыли и расчесывали им гривы, точили сабли и копья, проверяли луки и стрелы, готовили белые и красные боевые значки. В назначенный час знаменосец поднял белое ханское знамя, и армия тронулась в поход.

Наступил решительный день. Могольские ханы, приготовив свои войска к бою, стояли в ожидании неприятеля. Под знаменем Алача-хана собрались 10 тыс. калмаков (?!) и около 10 тыс. моголов. Во главе другого отряда стоял сам Ханике-хан; с ним находились два сына Алача-хана и Бабур с 1000 воинов. «Было калмаков и моголов тридцать тысяч, а с челядинцами и слугами тысяч сто». По словам Мухаммада Салиха, внешний вид могольского войска представлял «диковинное зрелище»: «дивоподобные воины» в странных головных уборах и одеждах; кони, покрытые разноцветными попонами и украшенные котасами¹⁴ из «хвостов павших лошадей», и т. п. Кто был из них из «страны калмаков», кто «уроженцем Турфана», кто «выходцем из Хотана», чьей-то «родиной был Иссык-Куль», а кому-то «домом приходился могольский Аксу». Все они стояли в ожидании, приняв боевой порядок.

Грозный час битвы приближался.

Шейбани-хан не заставил себя ждать долго [18, с. 136—141]. Он прибыл на ожидаемое место сражения на рассвете, когда еще солнце только восходило на востоке. С ним явились 10 тыс. воинов. Мухаммад Салих отмечает, что «большинство его людей составляли шибановцы (шибанлык), [племена], издревле его роду причисленные». Далее приводится родо-племенной состав узбекского войска в следующем порядке: сихиут, кыйат (славные своими качествами), конграт (всеми уважаемые за свои качества), буркут (воинственные и мужественные), мангыт, найман (достойные благодеяния), дурман (беспредельно преданные Шейбани-хану), уйсун (помощники-пособники хана), кушчи (привязанные искренней дружбой и преданностью), джалаир, карлук, сулдуз, нукуз, тама, татар, адгу, адлу-оглы, ички, ойрат.

Во главе конгратов стоял Хусейн Али, человек здравого ума и рассудительный, мангытов и адгу уругу — Хаджи Гази, адлу-оглы — Хамза-бий. Одним отрядом племени кушчи (300 человек) предводительствовал Купек-бий, а другим отрядом этого же племени — Йакуб-бек, «страшный выдумщик и остролов, доблестный воин». Он был кукельташем (молочным братом)

Шейбани-хана и приходился младшим братом «Карачин Дивану». Во главе найманов (до 700 человек) стоял сын Карачина Канбар-бий — бек левого крыла. Он был верным слугой Шейбани-хана и его кукельташем. Хан очень почитал Канбар-бия. Предводителем дурманов являлся «потомок Каджу Мергена» Джан Вефа-бий — военачальник правого крыла. Отважный рубака, он был одним из самых почитаемых беков среди приближенных хана. Под его началом находилось около 1000 человек. У племени ички было несколько предводителей — Абукоч, Джалбаш, Баубек. Их ополчение насчитывало «четыре тысячи узбеков, каждый из которых был другому брат и товарищ».

Воины многотысячной армии Шейбани-хана, составленной из различных племен, были выстроены в боевой порядок. Они следовали старинному обычаю разделения на правое и левое крыло. В частности, правое крыло составляли ополчения племен конграт, кыйат, мангыт, дурман, уйсун, ойрат. Во главе крыла стоял Махмуд-султан, младший брат Шейбани-хана. С ним находились Урус-бий, Алмеджук — пехлеван-единоборец и др. Численность войска левого крыла составляла «на взгляд» 1500 человек. Общее командование ополчениями племен этого крыла осуществлял Хамза-султан.

Каждый воин был с запасным конем, в шлеме, латах, расписанных стихами Корана; у всех были наготове «бухарский лук и черкесские стрелы».

Дальнейшее изложение рассказа Мухаммада Салиха о походе Шейбани-хана на моголов требует разъяснения. Дело в том, что в стихах 77—80 [18, с. 140] рассматриваемой главы говорится о смотре войска левого крыла, устроенного перед боем Хамза-султаном, а в следующих стихах, которые занимают в рукописи лист 137а, о том, как поступить с оказавшимися в плену могольскими ханами. Таким образом, в единственной венской рукописи «Шейбани-наме» и соответственно в издании отсутствует описание самого сражения и обстоятельств пленения двух могольских ханов¹⁵.

Итак, военное счастье оказалось на стороне Шейбани-хана: могольская армия была разбита наголову и оба предводителя моголов — Ханике-хан и Алача-хан — были пленены. На совете военачальников армии-победителя решался вопрос, как быть со знатными пленниками. По мнению Шейбани-хана, их следовало отпустить с миром. Такой поступок, убеждал он присутствующих на высоком совете, обернется благом, так как станет известным повсюду, все будут рассказывать, что-де два таких-то хана замыслили зло против такого-то хана, но по воле всевышнего оба они оказались побежденными на поле сражения, а тот, что один, — победителем. Все будут говорить, что победитель не вспомнил тогда о плохих поступках тех двух, а освободил их, проявив благородство. Затем привели пленных ханов. Шейбани приветствовал их и сообщил, что он не намерен убивать их. «Я отказываюсь от вашей крови, — сказал он, — от немощных

ваших душ отказываюсь. Будьте свободными от мысли о смерти, будьте спокойны душой». Чтобы ханы не сомневались в правдивости его слов, Шейбани-хан публично поклялся на Коране.

Через некоторое время шибанидские султаны вновь собрались на совет, чтобы окончательно решить участь ханов [18, с. 146—149]. Совет проходил бурно. Одни твердили, что Алача-хан опасен: «Он умен и дерзок, он слишком отважен и деятелен». Не будет от него нам покоя, не раскается он в содеянном. У него на родине большое войско. Если Ханике-хан объединится с ним, они смогут принести нам много хлопот и неприятностей. Другие напоминали присутствующим, что Шейбани-хан поклялся на Коране отпустить ханов с миром. Затем с речью выступил сам Шейбани-хан. Он напомнил султанам, что Ханике-хан не раз оказывал им услуги. Превратности судьбы неведомы, наставлял он, и мы не знаем, что будет с нами завтра. Сегодня же мы совершим доброе дело: владения Ханике-хана приберем к рукам, а самих ханов отправим на родину, в Моголистан.

Совет султанов закончился. Судьба ханов была решена.

По указанию Шейбани Ханике-хан должен был содержаться в ставке Махмуд-султана, а Алача-хан — в ставке Тимур-султана. Перед отправлением в ставки шибанидские султаны сообщили ханам об условии их освобождения. Согласно решению совета, сказали они, войска и владения Ханике-хана перейдут в наше распоряжение, а затем оба вы будете освобождены. Однако до тех пор, пока «Ташкент не отворит ворота и тамошние гуляки не сгинут прочь», вы будете содержаться у нас в оковах. Если вы хотите вернуть себе свободу, продолжали султаны, напишите письмо в Ташкент, чтобы ваши люди разрушили крепостные стены и покинули город. Город должны покинуть все моголы, в том числе и Ахмад-бек со своим отрядом. Причем Ахмад-бек должен увести с собой и сына Ханике-хана. Мать Ханике-хана и ее дочери пусть остаются в кургане. Мы скоро придем туда, сообщили в заключение султаны, и устроим той. «В противном случае дело ваше затруднится: хан опять придет в ярость».

Ханы приняли условия освобождения. Султаны доложили об этом Шейбани-хану. Он повелел, чтобы письмо Ханике-хана было доставлено адресату одним из нукеров Махмуд-султана.

Содержание письма Ханике-хана матери приводится в следующей главе поэмы [18, гл. 56, с. 149—151]. В этом письме он сообщает, что его армия разгромлена, он с Алача-ханом в плену и что Шейбани-хан поклялся на Коране сохранить им жизнь. «Вот что вам надлежит сделать», — писал он матери. Пусть люди улуса моего сына и люди других улусов, находящиеся в Ташкенте, покинут город вместе с Ахмад-беком и отправятся в Моголистан. Вы с принцессами оставайтесь в крепости: они будут выданы за шибанидских султанов, состоятся свадьбы. Да-

лее Ханике просит не беспокоиться и пишет, что он прибудет в город вместе с Шейбани-ханом. «Если вы желаете лицеизреть меня, не переиначивайте это мое слово. Отправленному гонцу преподнесите подарки, из сердца вырвите тернии печали. Мир вам и поклон. Окончено письмо».

Гонец с письмом Ханике-хана отбыл верхом из окрестностей Ахси в Ташкент, имея запасного коня [18, с. 152—156]. Он прибыл в город и передал письмо. Все было исполнено так, как в нем предписывалось. Сын Ханике-хана, Ахмад-бек и все моголы покинули город, предварительно «разрушив здешние свои дома». В полуразрушенном городе остались мать хана и ее дочери.

Первыми из Шибанидов в Ташкент прибыли Тимур-султан и Джанибек-султан с несколькими тысячами воинов. Вскоре dospел и сам Шейбани-хан. Состоялись три свадьбы: Шейбани-хан женился на самой младшей дочери ханши, Тимур-султан — на средней, а Джанибек-султан — на старшей. Через несколько дней, в течение которых дома горожан и дворец Ханике-хана подверглись грабежу, Шейбани-хан направился в Самарканд, передав управление Ташкентом в руки Джанибек-султана. Переправившись через р. Чир, он отдал приказ освободить ханов из оков и доставить их к нему в ставку. Джан Вефа-бий отправился в город и доставил Ханике-хана и Алача-хана. С пленников «сбили оковы» и привели к Шейбани-хану. Предводитель узбеков приветствовал их и советовал не огорчаться тем, что они потеряли здесь свои владения. «Еще падут много элей и улусов, — утверждал хан. — Если голова будет цела, будет все». В заключение аудиенции Шейбани-хан сказал: «Я потомок Йуджи (т. е. Джучи. — Т. С.), а вы оба — потомки Чагатая. Очевидно всем, что мы дети одной матери-прародительницы и Чингис наш общий предок». Со времен Йуджи-хана и Чагатай-хана, продолжал Шейбани, между нашим родом и вашим родом не было крови; каждый самостоятельно правил в своем владении. И теперь пусть между нами не будет крови, а будет согласие и верность. Пусть Алача-хан первым отправится в свой улус, а ты, «Улуг-хан», отправляйся вслед за ним со своими домочадцами. С этими словами Шейбани-хан дал разрешение Алача-хану тронуться в путь, подарив ему коней и снаряжение. Через два дня разрешил отбыть в Моголистан и Ханике-хану. Он также получил верблюдов, коней и снаряжение. Проводив с миром двух могольских ханов, Шейбани-хан поднял свою войска и отбыл к себе в столицу.

Описанием поражения Махмуд-хана (Ханике-хана) и Ахмад-хана (Алача-хана) под Ахси сведения «Шейбани-наме» о моголах исчерпываются. В следующей главе поэмы содержится краткое сообщение о том, что зимой (909/1503-04 г.), когда Шейбани-хан стоял лагерем под Балхом, прибыл гонец из Ташкента и доложил, что Танбал со своими моголами напал на Ташкент и осадил Джанибек-султана. Хан отправил на помощь

осажденным Суйунджук-султана с отрядом, а сам двинулся на Кундуз, оттуда на Балдахшан [18, гл. 58, с. 161—162].

Приведем теперь в русском переводе сообщения историографа могольских хаканов Мирзы Хайдара Дуглата о прибытии Ахмад-хана в Ташкент на помощь Махмуд-хану и о совместных действиях двух братьев против Шейбани-хана. Сравнение данных «Шейбани-наме» и «Тарих-и Рашиди» интересно во многих отношениях: авторы принадлежали к различным политическим и династийным лагерям; в «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха мы имеем описание, составленное буквально «по горячим следам» событий, а в «Тарих-и Рашиди» — рассказы, слышанные Мирзой Хайдаром Дуглатом от своего отца, могольских эмиров и других «достойных доверия лиц» и записанные им спустя 40 с лишним лет после самих событий. Сравнение позволяет выявить в обоих сочинениях места, которые подверглись тенденциозной обработке со стороны или самих авторов, или их интерпретаторов. В совокупности эти источники дают возможность установить подробности того драматического для моголов события, которое разыгралось под Ахси, и вместе с тем точнее определить время самой битвы, которое нигде конкретно не указано.

Из первого дафтара «Тарих-и Рашиди»

*«Рассказ о Султан Ахмад-хане, сыне Йунус-хана. ...*Когда таким образом минул год, пришло известие о ратных победах Шахибек-хана (т. е. Шейбани-хана. — Т. С.) над Султан Махмуд-ханом, его любимым братом. Султан Ахмад-хан отправился в путь для того, чтобы оказать службу старшему брату. Мансур-хана, старшего сына своего, он оставил вместо себя и повелел величать его ханом. Двух других своих сыновей — Султан Абу Саида и Бабаджак-султана — он привел с собой в Ташкент. Свидание двух ханов состоялось в Ташкенте. Изложение различных обстоятельств, имевших место в то время, содержится во втором дафтаре. Словом, ханы обсудили дело Шахибек-хана. В конце концов между ханами и Шахибек-ханом произошла битва при Ахси. Хань потерпели поражение: оба они были пленены. Шахибек-хан, не переступая законов [справедливости], обошелся с ними достойным образом: он отпустил ханов с тем, чтобы они удалились в Моголистан. Большую часть людей могольского улуса, что находилась в тех краях, он задержал. Эти два хана отправились в Моголистан.

Ту зиму они провели в Аксу. Султана Ахмад-хана поразил тяжкий недуг. Усилия лекарей оказались напрасными, и в конце зимы девятьсот девятого года (февраль—март 1504 г.) Султан Ахмад-хан скончался» [16, В-648, л. 67аб; С-395, л. 836—84а; D-71, с. 102].

Из второго дафтара «Тарих-и Рашиди»

«...Когда известие [о трудном положении Махмуд-хана] дошло до высокого слуха Алача-хана, в подвластных ему районах Моголистана население бунтовало и устраивало беспорядки. Он сделал все от него зависящее для того, чтобы усмирить бунтовщиков. Затем, посадив на свое место своего старшего сына, Мансур-хана, он отправился ко двору старшего брата. Солнце Небес Халифства и Полнолуние Славы сблизились при благоприятном расположении звезд, в девятьсот седьмом году [1501/02 г.].

...Шахибек-хан, которому столь опрометчиво оказал поддержку Султан Махмуд-хан, завоевал Самарканд, Бухару и нанес поражение тимуридским султанам, в особенности Бабур-падишаху, который приходился [Махмуд-хану] племянником [по сестре] и был ему подобно сыну. Отныне Шахибек-хан сменил дух преданности и дружбы на мишуру высокомерия и самонадеянности и стал открыто бить в барабан ослушания.

Тем временем Султан Ахмад Танбал, который находился на службе у Омар Шейх Мирзы, хотя он и принадлежал по происхождению к могольским эмирам, поднял мятеж в Андижане, воспользовавшись нерешительностью хана. Придя к власти, он стал метать стрелы неповиновения, целясь в мишень султанства. Чтобы отразить его, ханы выступили вдвоем. Султан Махмуд-хан оставил в Ташкенте своего сына Султана Мухаммад-султана с многочисленным и сопровождаемым большим обозом войском, чтобы упредить вероломство врагов. Моего отца оставил в Ура-Тепе, чтобы он также противостоял Шахибек-хану. Ханы полагали, что последний не пройдет между двумя этими войсками. Между тем Шахибек-хан усмотрел в этих действиях благоприятный случай и воскликнул: „Пожалуй, никогда не стану впредь этих ханов с таким малочисленным войском!“ Он выступил без обоза и направился из Самарканда в Фергану. Следуя своим путем, он достиг Ура-Тепе. Люди крепости подумали, что он прибыл для осады, и занялись делами обороны. Между полуднем и закатом солнца неприятель расположился лагерем в непосредственной близости от города. После того как вселенная лишилась величественного сияния солнца и на глаза земных созданий опустилась чернота ночи, он [Шахибек] снял свой лагерь и тронулся в путь так спешно, что пока люди, находящиеся в крепости, выясняли, в каком направлении уходит неприятель, он удалился на расстояние нескольких фарсангов. Когда достоверно было установлено, что неприятель движется в сторону Ферганы, [из крепости] отправили друг за другом несколько вестников, чтобы они известили [Махмуд-]хана о его приближении. Оба, вестник и неприятель, прибыли в одно и то же время. Ни войска Ташкента, ни войска Ура-Тепе не имели времени выступить. Вместе с ханами находилось около 15 тыс. человек. Причиной этого было то, что в начале года они уже

ходили походом на Танбала и изрядно потрепали его, так что у того не было прежней силы и могущества. Потому ханы были уверены, что на этот раз он предпочтет бегство сопротивлению. Бабур-падишаха они взяли с собой, чтобы после бегства Танбала посадить на трон его отца, а самим вернуться обратно.

Ханы не достигли еще Андижана. В Ахси, одной из сильно укрепленных крепостей того вилайета, укрывался брат Танбала, Шейх Баязид. Он повел переговоры об условиях подчинения; поэтому [ханы] расположились лагерем вблизи крепости. При таком стечении обстоятельств прибыл Шахибек-хан с 30-тысячным отборным войском, сопровождаемый султанами, как, например, Кучум-султан, Суйунджук-Султан, Джанибек-султан и пр. Таким образом, оставалось слишком мало времени, чтобы принять боевой порядок. Каждая враждующая сторона совершила несколько нападений и притворных отступлений. Поскольку в армии неприятеля было много [талантливых] военачальников, а численность их [войска] была превосходящей, ханы потерпели поражение.

Стих:

И впрямь, кто одолел слабого,
Тот сам потерпел поражение.

Кони ханов обессилили от усталости, и оба хана были схвачены в плен. Бабур-падишах бежал к южным отрогам Ферганских гор. Шахибек-хан проявил великодушие: после присоединения к своим владениям Ташкента он напомнил ханам о сделанном благодеянии и отпустил их на волю. Он сказал: „Я достиг своего могущества благодаря вашему вспомоществованию. Я захватил вас в плен, но не умертвил. Позволяю вам удалиться“.

...Словом, когда весть о пленении ханов достигла Ташкента, Султан Мухаммад-султан поднял всех своих людей, семейство свое, людей могольского улуса и удалился в Моголистан. Мой отец и дядя [по отцу] собрали из нажитого ими то, что могли увезти, и тоже последовали за ними.

Во время пребывания ханов в неволе Шахибек-хан сказал им: „Моим давнишним заветным желанием было связать себя [с вашим родом] брачными узами, но до сих пор [судьба] не жаловала меня. В осуществлении этого желания ныне устроим три бракосочетания“. Самая младшая сестра [Махмуд-]хана, по имени Давлат Султан-ханым, которая упоминалась выше, при перечислении детей Йунус-хана, сочеталась браком с Тимур-султаном, сыном [Шахибека]. Себе он взял Айше Султан-ханым, известную как Могол-ханым, а Джанибек-султан женился на Кутлук-ханым. Обе [последние] принцессы были самыми добродетельными из всех добродетельнейших женщин, целомудренными, яркими, как солнце, и непорочными, как лунный свет. Некоторые из их детей живы и теперь и заняты в Мавераннахре заботами правления.

По возвращении ханов на родину, в Моголистан, младший хан заболел: его разбил паралич. [Вскоре] он сменил престол ханского достоинства на ложе погребальных носилок и переселился из сада земных владений в цветник рая. Это случилось в конце девятьсот девятого года» [16, В-648, л. 886—906; С-395, л. 108а, 109а—1106; D-71, с. 133—136].

После этих рассказов сочинитель «Тарих-и Рашиди» приводит красочную легенду о причине болезни Ахмад-хана. Неожиданная болезнь и скорая смерть находившегося в расцвете лет хана [ему было неполных 39 лет, когда он умер], отличавшегося крепким телосложением и отменным здоровьем, казались загадкой его современникам и ближайшему поколению его родичей. А там, где неизвестность, рождается легенда. Родилась она и тут, и в свете той характеристики, которую дают Ахмад-хану мусульманские авторы, легенда эта выглядит правдоподобной. Вот она в передаче Мирзы Хайдара Дуглата.

«Раз я слушал раба божьего Ходжа Тадж ад-Дина Мухаммада, — пишет он, — который унаследовал от своих предков должность шейх-уль-ислама этой страны (и который действительно был благородным и почитаемым человеком, одаренным многими достоинствами). Вот что соизволил он рассказать.

„Во время болезни хана, будучи однажды с ним наедине, я сказал ему: „Ходит молва, будто Шахибек-хан подложил отраву в вашу пищу. Если ваше величество того же мнения, я добуду испытанное противоядие, которое поступает к нам из Китая, и займусь лечением“. Хан отвечал: „Да, Шахибек-хан действительно отравил меня. Он отравил тем, что возвысился из низкого положения до таких высот, что захватил нас, двух братьев, в плен, а затем отпустил на волю. Причина моего недуга — этот позор. Если есть эликсир от недуга подобного рода, только он поможет мне“» [16, В-648, л. 906; С-395, л. 1106; D-71, с. 136].

Нет надобности выделять здесь особо пункты расхождения в сообщениях придворного поэта Шейбани-хана и рассказах могольского историка Мирзы Хайдара Дуглата: для внимательного читателя они очевидны сами собой. Уточним только время сражения при Ахси. По словам Мухаммада Салиха, спустя месяца два после захвата Ташкента Шейбани-хан выступил из Самарканда на Балх против Бади аз-Замана. Пока узбекские войска осаждали Балх и другие крепости, прошло еще четыре месяца и наступили зимние холода [18, с. 157—161]. Из чего можно уверенно заключить, что битва при Ахси между Шейбани-ханом и двумя могольскими ханами произошла в конце 908 г. х., т. е. в конце весны — начале лета 1503 г.¹⁶ Эта дата вполне согласуется с сообщением Мирзы Хайдара Дуглата, согласно которому освобожденные из плена могольские ханы отбыли из Ташкента в Моголистан, зиму 909 г. х. провели в Аксу, а в конце зимы Ахмад-хан скончался.

Резюмируя приведенный материал, в заключение скажем

следующее. На рубеже XV—XVI вв. кочевые узбекские племена Восточного Дешт-и Кыпчака под предводительством Мухаммада Шейбани-хана направили свои усилия на овладение территорией, принадлежащей Тимуридам. Предприятие это в силу ряда объективных причин (см. [20; 14, с. 377—385]) оказалось удачным, и в течение 1500/01 г. Шейбани-хан завоевал Бухару и Самарканд. При занятии этих крупнейших центров Мавераннахра значительную военную помощь оказал ему верховный правитель моголов Махмуд-хан¹⁷. Мирза Хайдар Дуглат характеризует эту помощь хана как «опрометчивый» поступок, т. е. как поспешный, необдуманый шаг, не предусматривающий возможной опасности для самих моголов в будущем. Действительно, обосновавшись в среднеазиатском Междуречье, Шейбани-хан вскоре направил оружие против вчерашнего покровителя и союзника. Уже зимой 1501/02 г., спустя лишь несколько месяцев после занятия Самарканда, он предпринял поход на вилайет Шахрухие, подвластный Махмуд-хану. Весной 1502 г. нападению узбеков подверглась крепость Ура-Тепе. Однако успехи, достигнутые Шейбани-ханом в рядовых походах на отдельные могольские города-крепости, не удовлетворяли его, и он искал случая дать Махмуд-хану генеральное сражение, чтобы раз и навсегда покончить с «делом моголов», т. е. выдворить моголов из среднеазиатских городов и крепостей.

Верховный предводитель моголов Махмуд-хан, отличавшийся нерешительным характером и начисто лишенный военных способностей, не смог справиться с натиском Шейбани-хана и призвал на помощь своего младшего брата Ахмад-хана, слывшего храбрым воином и грозой калмаков. Враждующие стороны сошлись в решающем сражении в начале лета 1503 г. при Ахси. Шейбани-хан не только одержал победу, но и взял в плен обоих братьев. Ханы были скоро отпущены на волю с условием, что оба они покинут Туркестан и отправятся в свои наследственные улусы, в Моголистан. Все среднеазиатские владения Махмуд-хана перешли в руки победителя; кроме того, Шейбани-ханом была задержана большая часть могольского воинства. В числе принадлежавших Махмуд-хану, следовательно отнятых Шейбани-ханом, городов и крепостей в поэме Мухаммада Салиха упоминаются следующие: Ташкент, Сайрам, Ура-Тепе, Шахрухие, Дизак, Йургам, Наррату.

Таковы известия о моголах, содержащиеся в «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха. Они, как это видно, раскрывают многие немаловажные подробности исторических событий XVI в. и в ряде случаев существенно дополняют имеющиеся в научной литературе сведения о взаимоотношениях моголов и узбеков в 1501—1503 гг. Особого внимания заслуживают сведения историко-этнографического характера, в частности сведения о родоплеменном составе узбекского войска во время битвы при Ахси. Список, приводимый Мухаммадом Салихом, тем более ценен, что в нем указывается численность отрядов ряда племен,

участвовавших в завоевательных походах Шейбани-хана. Эти данные могут быть использованы при освещении вопроса о количественном составе ушедших вместе с Шибанидами из степей и племен. Стоит также отметить здесь замечание Мухаммада Салиха о том, что у Махмуд-хана «до сорока тысяч моголов», т. е. около 40 тыс. воинов. В этой связи любопытно, что и Мирза Хайдар Дуглат отличает моголов от остального населения Моголистана и Восточного Туркестана и нередко также приводит число, например, уведенных в плен или оставшихся кочевать в Кашгарии моголов (см. [1, с. 6—11]). В трактовке термина «могол», как известно, нет единого мнения. Одни исследователи считают моголов конгломератом тюркских и монгольских племен, другие — сословием на службе у ханов Чагатаидов, третьи — этническим коллективом, народностью. Возможно, эти замечания Мухаммада Салиха и Мирзы Хайдара Дуглата (и подобные приведенным историко-демографические материалы о моголах, содержащиеся в других источниках) указывают на то, что название «могол» в то время относилось не ко всему населению страны, а только к военному сословию общества.

¹ О термине «могол» и этнических связях моголов с соседними народами см. [24, с. 52—65].

² В издании Н. Ильминского [6, с. 227—228] текст этого отрывка приведен не полностью: в нем отсутствует сообщение о размере месневи.

³ От топониме «Согд» см. [10, с. 487—488].

⁴ В статье Л. А. Зимина приводится перевод двух небольших отрывков из сочинения Салиха, касающихся похода Шейбани-хана против Карши [12, с. 205—206]. В книге «Хрестоматия по литературе народов СССР» [22, с. 412—420] опубликованы выдержки из трех глав «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха в переводе Л. Пеньковского, с кратким предисловием.

⁵ Время окончательного покорения Шейбани-ханом Самарканда относится к началу осени 1501 г. (см. [7, с. 112—113]).

⁶ Бабур, находившийся в то время в Ходженде, также отмечает, что «было очень холодно» и «стужа достигала такой степени, что за эти два-три дня погибло от холода два-три человека» [7, с. 114].

⁷ Согласно Бабуру, поход Шейбани-хана на Ура-Тепе состоялся весной [7, с. 115].

⁸ О помощи Махмуд-хана Шейбани-хану говорится во многих сочинениях: «Нусрат-наме», «Фатх-наме» Шади, «Шейбани-наме» Бинаи и т. д. (см. [15, с. 32, 85, 126, 208]).

⁹ Мухаммад Салих только упоминает об этом событии. Подробности похода сообщает Бабур, лично участвовавший в нем [7, с. 117—119].

¹⁰ По словам Бабура, Махмуд-хан, подобно своему отцу Иунус-хану, был «одаренным человеком и сочинял стихи, хотя законченных газелей у него было немного» [7, с. 116; 8, с. 89].

¹¹ По описанию его племянника Бабура, Алача-хан был самовластным и смелым человеком, предпочитавшим саблю всякому другому оружию [7, с. 121—122]. Таким же образом характеризует Ахмад-хана и Мирза Хайдар Дуглат в своем «Тарих-и Рашиди» [16, В-648, л. 676].

¹² И г а ч — путевая мера длины, именуемая также «фарсанг», «санг», «таш» и приблизительно равная 9 км (см. [21, с. 72, 120]).

¹³ Т а л к а н — кушанье, приготовленное из толокна и масла.

¹⁴ К о т а с (кутас) — бахромчатое украшение из волос яка или коня, навешиваемое на шею лошади.

¹⁵ Указанный эпизод не единственный пропуск в венской рукописи. Судя по резкому переходу, лакуна имеется и после листа 236 [18, с. 25]. Любопытно, что отмеченные здесь пробелы приходятся в рукописи на листы gesto, из чего можно заключить, что причина лакун — утеря листов. Таким образом, венская рукопись «Шейбани-наме» не полная: в ней отсутствует какое-то количество листов.

¹⁶ В сводном труде «История Узбекской ССР» [14, с. 385] неверно указано что Шейбани-хан разбил моголов в «кровопролитном бою» и пленил Махмуд-хана зимой 1501 г. (I).

¹⁷ По сведениям Бинаи, во время похода Шейбани-хана на Самарканд Махмуд-хан выделил ему в помощь двух своих эмиров с 5 тыс. вооруженных воинов (см. [15, с. 126]).

Литература

1. *Акимушкин О. Ф.* Моголистан, моголы и киргизы в первой половине XVI века (Заметки по политической истории региона).— XI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. 1. М., 1975.
2. *Акимушкин О. Ф.* Персоязычные источники по истории Восточного Туркестана.— Филология и история тюркских народов (тезисы докладов). Тюркологическая конференция: АН СССР, ЛО ИВ АН СССР; ЛГУ, Восточный факультет. Л., 1967.
3. *Акрамов А. М.* Мухаммад Солих. Тошкент, 1966.
4. *Алишер Навоий.* Мажолисун нафос. Илмий-танкидий текст. Тошкент, 1961.
5. *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.
6. Бабер-намэ, или Записки Султана Бабера. Изданы в подлинном тексте Н. И[льминским]. Казань, 1857.
7. Бабу-наме. Записки Бабура. Пер. М. Салье. Таш., 1958.
8. *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья.— Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.
9. *Бартольд В. В.* [Рец. на:] *E. Blochet.* Introduction...— Сочинения. Т. 8. М., 1973.
10. *Бартольд В. В.* Согд.— Сочинения. Т. 3. М., 1965.
11. *Болдырев А. Н.* Зайнабдин Васифи. Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии). Сталинабад, 1957.
12. *Зимин Л. А.* Нахшеб, Несеф, Карши. Их история и древности.— В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Таш., 1927.
13. История Самарканда. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Таш., 1969.
14. История Узбекской ССР. Т. 1. Кн. I. Таш., 1955.
15. Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969.
16. *Мирза (Мухаммад) Хайдар Дуглат.* Тарих-и Рашиди, рук. ИВ АН СССР, В-648, С-395, D-71.
17. *Мукминова Р. Г.* О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI в.— Труды Института востоковедения АН УзССР. Вып. 3. Таш., 1954.
18. *Мухаммед Салих.* Шейбани-намэ. Джагатайский текст. Посмертное издание проф. П. М. Мелиоранского. Под наблюдением и с предисловием прив.-доц. А. Н. Самойловича. СПб., 1908.
19. *Розен В.* [Рец. на:] *Die Scheibaniade...*— ЗВОРАО. Т. I. 1886. СПб., 1887.
20. *Семенов А. А.* Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов.— Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Т. 12. Вып. I. Сталинабад, 1954.
21. *Хиц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему.— *Давидович Е. А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970.

22. Хрестоматия по литературе народов СССР. Сост., коммент. и снабдил очерками Л. И. Климович. М., 1947.
23. *Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас*. Хроника. Критический текст, пер., коммент., исслед. и указ. О. Ф. Акимушкина. М., 1976.
24. *Юдин В. П.* О родо-племенном составе моголов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами.— Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. 1965, вып. 3.
25. *The Atesh Kedah, or Fire-Temple*, by Hajji Lutf Ali beg, of Isfahan. Now first edited from the collection of all the known Mss., N. Bland. L., 1844.
26. *The Babar-nama*, being the autobiography of the emperor Babar, the founder of the Mohul dynasty in India... (Facsimile) edited with a preface and indexes by Annette S. Beveridge.— E. J. W. Gibb Memorial, series, Vol. 1. Leyden—London, 1905.
27. *Köprülü M. Fuad*. Çagatay edebiyatı.— Islam Ansiklopedisi. Cilt 3, cüz 24. İstanbul, 1945.
28. *Rieu Charles*. Catalogue of the Turkish Manuscripts in the British Museum. L., 1888.
29. *Die Scheibaniade*. Ein özbekisches Heldengedicht in 76 Gesängen von Prinz Mohammed Salih aus Charezm. Text, Übersetzung und Noten von Hermann Vavbéry. Wien 1885.